

УДК 2-4+2-6

О. В. Мащитько

Языковой образ «всеиста» и специфика развития современной религиозной идеологии

Статья посвящена характеристике нового типа религиозной идеологии, связанной с неявными формами проявления. Выявлены такие принципы ее функционирования, как смена идеологического разделения унификацией, деления на своих и чужих – построением холистической социосимволической системы, монологизма – полифонией, сакрализации – псевдопрофанностью, тотальности именованья – обилием безымянного, иконопочитания – иконоборчеством. На основе этих черт эксплицируются основные характеристики языкового образа верующего-всеиста.

Ольга Валерьевна
Мащитько

Кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств

Религиозную атмосферу в культуре XX – начала XXI в. принято обозначать понятием «секуляризация», при помощи которого указывается на понижение значимости религии в культуре. Однако уже в середине XX в. была обозначена ограниченность данной теории. Сторонники концепции секуляризации, говоря о снижении роли религии в социокультурном пространстве, охватывают лишь процессы, связанные с институциональными, организационными, культовыми формами деятельности религий. Однако значимым явлением современной культуры стало возникновение религиозных феноменов, расширяющих традиционные представления о религии и не вписывающихся в тезис о «расколдовывании» современного мира. Культурные процессы секулярного общества привели к всплеску религиозных исканий, возрождению интереса к мистицизму, попыткам нового самоопределения в рамках традиционных конфессий. Современная культура религиозна во многих своих проявлениях – от суеверий и неомифологий до массовой культуры и искусства.

Специфика религиозности секулярного общества до сих пор не была систематически осмыслена в исследовательской литературе, несмотря на многочисленные попытки идентификации религиозных феноменов подобного

типа. Еще О. Шпенглер отмечал, что у истоков любой культуры стоит мифологическая эпоха, и к мифу культура возвращается во времена своего заката. Новоевропейская рациональность – тонкая прослойка, промежуточный этап между «мифологией зарождения» и «мифологией заката». Возврат к мифу закономерен. П. Сорокин связывал переход от чувственного типа культуры к идеалистическому с ростом неинституционализированной религиозности. На значимость роли нетрадиционной религиозности (прежде всего восточного мистицизма) в современной западной культуре указывали А. Тойнби и М. Элиаде. Понятие «невидимая религия» при обозначении сути современной религиозной ситуации использовал Т. Лукман. Характеризуя специфику современных культурных процессов, исследователи обращаются к таким понятиям, как ремифологизация, новая архаика, «новое сектантство» (М. Н. Эпштейн), «новое язычество» (В. Крутоус) [1]. Во всех случаях подразумеваются не реально функционирующие группы, а определенные умонастроения и искания, организационно не оформленные. К данным характеристикам примыкают такие понятия, как «вера без принадлежности» (Г. Дэйви), «лоскутное верование» (Д. Эрвье-Леже), «секуляризованный эзотеризм» (У. Ханеграаф), «квазирелигия» (М. Бринкерхоф и Дж. Джейкоб), псевдорелигия (Й. Вах), «фиктивное сектантство» (Т. Оленич), «культовая среда» (К. Кэмпбелл). Нередко религиозность постсекулярной эпохи рассматривается как часть рынка услуг и, как следствие, составляющая идеологии потребления (З. Бауман). Ряд исследователей считают феномен неконфессиональной религиозности одним из аспектов постмодернистской чувствительности, акцентируя внимание на автономизации и отказе от трансцендентного измерения религии, придании ценности по-сторонним смыслам (С. Хант, М. Макгуайр, В. Веланкур).

В нашем исследовании указанные феномены мы будем обозначать понятием «неявная религиозная идеология». Выбор термина обусловлен следующими соображениями. Во-первых, объектом исследования в данном случае выступают внеконфессиональные формы религиозности. Функционируя вне организации, вне культовой деятельности, данные явления выходят за рамки понятия «религия» и являются идеологией религиозного типа. Во-вторых, исследуемые явления вполне явственно коррелируют с процессами, происходящими в современном социокультурном пространстве в области идеологии. На фоне характеристики нашей эпохи в качестве «постидеологической» исследователи отмечают наличие феноменов, которые можно обозначить понятием «неявная» идеология (У. Эко). Под этот термин подпадает широкий спектр явлений, начиная от западнотризма и идеологии глобализации и заканчивая идеологией потребления и трансгуманизмом. Они не трактуются в качестве идеологических и воспринимаются как само собой разумеющаяся система очевидностей. Подобно тому, как в «постидеологиче-

ском» обществе функционирует неявная идеология, секуляризованный постхристианский мир также является религиозным в специфическом смысле слова. Наша гипотеза состоит в том, что религиозность секулярного общества наиболее продуктивно изучать именно как часть общеидеологических трансформаций современной культуры.

В условиях неявного функционирования идеологии ее содержательный анализ становится бессмысленным: она практически недоступна для анализа в виде учения, системы идей, перечня положений или системы ценностей. Наиболее продуктивным способом исследования становится лингвистический анализ, при котором акцент делается на отвлечении от содержания и сосредоточении на форме или способе функционирования. *Цель данной статьи* – выявить языковую специфику функционирования современной неявной религиозной идеологии, которая становится эксплицитной, если сопоставить ее с законами проявления идеологии явной.

Перечислим принципы, на которых базируется действие явной идеологии, в том числе и идеологии религиозной. Прежде всего, это языковое разделение. Любая идеология создает свой язык. Создание языка означает становление собственной реальности, возникновение особого мира. Отсюда вторая особенность – конституирование двух социосимволических систем. Через языковое разделение, происходящее в идеологии, мир делится на своих и чужих. Логическим следствием этого является следующая особенность – монологичность идеологии (по отношению к своему социосимволическому пространству) и лишение языка (по отношению к пространству чужому). Еще один ключевой принцип можно обозначить как сакрализацию центрального означающего. Есть центральный элемент идеологической системы, который придает смысл всему учению. Этот элемент наделяется сакральным смыслом. Следствием этой особенности является, во-первых, тотальность именования, стремление дать своего рода языковую идеологическую «метку» всему, что находится в рамках своего идеологического пространства. Во-вторых – особенность явной идеологии, которую можно обозначить термином «иконопочитания» (в широком смысле слова). Это означает, что сакральный центр идеологической системы проявляется в виде почитаемых образов.

Эти закономерности инвариантны как для светской, так и для религиозной идеологии. Проблематичность исследования феноменов, связанных с понятием неявной идеологии, связана с тем, что в качестве идеологии воспринимаются феномены, подпадающие под вышеперечисленные характеристики. Между тем религиозность постсекулярной культуры проявляется через совершенно иные закономерности.

Первая закономерность состоит в том, что на смену языковому разделению приходит унификация. В современной религиозной идеологии

унифікація проявляється в двох взаємопов'язаних аспектах: в конституюванні «усередненого» образу веруючого (толерантного, не фундаменталіста) і створенні аморфного образу релігії як такої. Перший аспект викликає особливо різке неприязня з боку традиційних християнських конфесій, вероучення яких базується на понятті особистості. Другий аспект сьогодні масово розповсюджений у вигляді «народного» екуменізму, вивконфесійної релігійності, «релігії взагалі», «веру як такої». На рівні побутового свідомості це проявляється у формулах: «що-то вище є», «треба во що-то вірити», «різні релігії ведуть до однієї мети», і є наймасовішою, найбільш розповсюдженою формою екуменічного свідомості. У мові унифікація проявляється, крім того, через обезличування і «антиноміалізм» у розумінні Бога. Використовуються абстрактні поняття на кшталт «Абсолют», «Щось Вище», «Енергія», «Сила», «Космос». Загальним фоном цих тенденцій є характерний для сучасної культури ріст релігійного індиферентизму, виражаючийся у відкиданні абсолютних істин і утвердженні представлення про релігії як про особисті справи.

Релігія з первинного джерела ідентичності перетворюється в один з багаточисельних «мов» опису дійсності. Носії сучасної релігійної ідеології поєднують у світогляді і повсякденній практиці взамоісключаючі елементи. При цьому вони, з однієї сторони, незалежні від кожної з них (звідси – феномен «фактультативного» характеру взаємодії з релігією), а з іншої – потреба і навик у фундаментальному самоопределенні втрачаються, ідентичність розсіюється. «Взамоперетекання ідей» у різних ідеологічних системах нової релігійності веде до того, що зміст останньої складають однотипні уніфіковані положення. Наприклад, Дж. Мендельсон, один з лідерів ліберальної Унітаріанської церкви писав: «Я хочу називатися християнином тільки в тому випадку, якщо разом з наступним вдихом мені дозволено буде промовити різні варіанти: я також єврей, я – індус, я – мусульманин, буддист, стоїк, послідовець Ехнатона, Зороастра, Конфуція, Лао-Цзы і Сократа» [цит. по: 4, с. 100]. Принцип релігійного синкретизму як ідею внутрішнього тождества всіх релігій одним з перших сформулював Рамакришна: «Бог один, відрізняються тільки його імена, одні називають його Аллахом, інші Богом, хтось Брахманом, хтось Калі, хтось Кришної, Ісусом, Буддой» [2, с. 96]. При цьому, як це часто буває, терпимість виявляється тільки декларованою: індуїзм кінця ХХ в. розглядає християнство і іслам як неідеальні версії прояву індуїстських божеств і тому вважає правомірною тактику поглинання.

Одним з понять, що відображають тенденцію унифікації у сучасній релігійній ідеології, є «духовність» (*spirituality*). Деякі дослідники, наприклад Д. Ерве-Леже, Х. Кноблаух пропону-

гают использовать его вместо понятия «религия», поскольку оно лучше отображает такие черты религиозности нашего времени, как индивидуалистичность, недогматичность, отсутствие четких границ ортодоксии, процессуальность духовного поиска [7; 9]. А. Кырлежев связывает унификацию с прагматизмом современной культуры. Прагматическая ориентация является источником плюрализма, приводящего к смешению религиозного и не-религиозного; религиозность оказывается трудно различимой [3].

Второй закономерностью функционирования неявной религиозной идеологии является конституирование единой социосимволической системы. Поскольку языковое разделение сменяется унификацией, в неявной идеологии не происходит деления на свое и чужое социосимволическое пространство. Если девизом явной идеологии мог бы быть «Кто не с нами, тот против нас», то девиз неявной идеологии – «Все, кто не против нас, тот с нами». В религиозной идеологии это проявляется в виде отказа от понятий, подчеркивающих трансцендентность и инаковость Бога. «Бог в душе, а не в Церкви», «у каждого свое представление о Боге» – вот языковые формулы, отражающие данную особенность на уровне обыденного сознания. В идеологии нью-эйдж прописана возможность спасения в этом мире (*thisworldly salvation*), связанного с отказом от ориентации на трансцендентное, отсутствием дихотомии священного и профанного, естественного и сверхъестественного [8]. Мир духа также состоит из материи, поэтому телесному развитию уделяется не меньше внимания, чем духовному. «Удвоение» мира, деление мира на материальный и духовный, сакральный и профанный исчезает. Обыденная реальность проецируется на потустороннюю.

Синкретичные, эклектичные религиозные учения существовали во все времена. Но в традиционной культуре такие формы религиозного опыта носили единичный, маргинальный характер. Современный эклектичный духовный опыт стал массовым феноменом. И если ортодоксия в современном обществе ассоциируется с такими понятиями, как фундаментализм, фанатизм, нетерпимость, то религиозная «всеядность», модель «верующего вообще» стала нормой. В интернет-новоязе для обозначения такого образа верующего появились соответствующие понятия – «всеист» (*alltheist*) или «всеверующий». Этими понятиями обозначается тот тип религиозного опыта, для которого не характерно отождествление себя с определенным религиозным учением, который берет от разных религий приемлемые для него элементы или же верит во все подряд, или в то, что ему удобно на данный момент. Как следствие, современная религиозная идеология как социокультурный феномен претендует на создание холистической картины мира, в рамках которой фрагменты различных религий образуют единую «всеистическую» мозаику. Так, исследователи идеологии нью-эйдж указывают на панте-

истический монизм как на ее базовую установку, согласно которой любые различия между отдельными сущностями являются кажущимися [6; 8]. Один из идеологов движения Дж. Стоун пишет: «Единой отличительной чертой Мирового Порядка будет кредо: “Все суть одно”» [цит. по: 8, с. 148]. В ньюэйджевском словаре есть целый ряд понятий, отображающих данные тенденции: холистическая медицина, планетарное видение, единый мировой порядок, глобальная угроза, космический корабль Земля, глобальная деревня. Эти понятия стали неотъемлемой частью современного языка и новой парадигмы мышления и не осознаются в качестве идеологических.

Третьей закономерностью неявной религиозной идеологии является многоголосие. Эта особенность также следствие отсутствия языкового разделения в неявной идеологии. Поскольку мир не делится на своих и чужих, то нет и деления на имеющих и не имеющих право голоса. Это приводит к девальвации понятия ортодоксии и истины в религии. Любой голос получает в неявной идеологии статус мнения, имеющего право на существование. А в области пропаганды (в политической идеологии) и миссионерства (религиозной) тактика убеждения оппонентов сменяется тактикой перекрикивания и технологического включения в неявно функционирующую систему.

Многоголосие в религиозной идеологии связано в первую очередь с формированием многочисленных внеконфессиональных феноменов, акцентирующих либеральные ценности свободы самоопределения и индивидуализма применительно к религиозной сфере. Такие новые формы проявления религиозности обычно противопоставляют себя традиционным религиям и утверждают принцип доминирования личного религиозного опыта (вариации которого потенциально бесконечны) над клерикализмом. «Свобода» религиозного самовыражения противопоставляется «тоталитаризму», догматизму и консервативности конфессиональных религий. Еще в 1967 г. Лукман говорил о современной ему религиозности как «супермаркете» разнообразных альтернатив [11]. Плюрализм и синкретизм современной религиозной идеологии в исследовательской литературе обозначается как «религиозный бриколаж», «религия à la carte», «религиозность pick-and-choose» («пробовать и выбирать»). В идеологии нью-эйдж, экуменизма, современных форм оккультизма имеет место буквальная реализация принципов «сколько людей, столько и религий» и «сколько людей, столько и богов». В этом контексте уместно говорить о всеверии как феномене современной религиозной культуры. Как метко в этой связи отметил У.Эко, «те, кто больше не верит в Бога, верят во все подряд» [5, с. 256].

Четвертая закономерность неявной религиозной идеологии – псевдопрофанность функционирования. Неявный способ воздействия не предполагает сакрализации. Пустота центрального означающего сменя-

ет его сакрализацию. В религиозной идеологии эта особенность проявляется как отсутствие доктринального ядра, наличие множества объектов поклонения, аморфность. Еще М. Элиаде утверждал, что большинство «неверующих» живут под влиянием псевдорелигий и деформированных идеологий. Сегодня людям, считающим себя агностиками или атеистами, присущ так называемый профанный эзотеризм. Гороскопы, реклама «целителей», паранаучные феномены становятся эзотерической составляющей современной культуры, что объясняется востребованностью в тех формах религиозности, которые создают имитацию духовной деятельности. Ю. Рыжов, исследуя религиозность массовой культуры, утверждает, что в постсекулярную эпоху человек не менее, а более религиозен, однако обращается к «неведомому Богу» (*ignoto Deo*), местопребывание которого – не церковь, а улицы мегаполисов, шум дискотек, страницы глянцевого журналов, Интернет [4, с. 4].

Следствием псевдопрофанности и отсутствия центрального сакрального элемента неявной религиозной идеологии являются еще две особенности, отличающие ее от идеологии явной. Это обилие безымянного (приходит на смену тотальности именованного) и иконоборчество. В явной идеологии сакральность центрального означающего приводит к стремлению дать языковой ярлык всему, что является частью своего идеологического пространства. Самый яркий пример этого – создание нового революционного дискурса, стремление дать новые названия географическим объектам, административным учреждениям и пр. Неявная идеология скрывает свою сакральность, поэтому здесь мы видим противоположный процесс – обилие безымянного. В современной культуре мы наблюдаем явления, которые наиболее точно можно обозначить как инфляцию языка, оборот огромного количества слов, которые ничего не означают. В исследовательской литературе такая ситуация наиболее ярко была описана Ж. Бодрийяром, характеризующим наше время как «эпоху симулякров». В постструктурализме этот процесс нашел отображение в рамках концепции пустоты знака.

Наконец, неявной религиозной идеологии присуще иконоборчество. Последнее понимается как отказ от соотнесения объекта поклонения с сакральным образом. Применительно к религиозной идеологии речь идет о деонтологизации образов, с которыми соотносит себя современная религиозность. Образ вместо средства познания и приобщения к трансцендентному становится средством мистификации и манипуляции. Кроме того, образ лишается символичности, не связан с сущностью, за ним не скрывается ничего, кроме пустоты.

Таким образом, можно констатировать наличие в современной культуре нового типа религиозной идеологии, связанной с формами проявления, которые можно охарактеризовать как неявные. Привычные схемы идеологического разделения при таких формах сменяются уни-

фикацией, деление на своих и чужих – построением холистического социосимволического пространства, монологизм – полифонией, сакрализация – псевдопрофанностью, тотальность именования – обилием безымянного, иконопочитание – иконоборчеством. Все в совокупности создает иллюзию отсутствия идеологии, хотя в действительности можно говорить лишь о закате идеологий классического типа и создает новый языковой тип верующего-всетеиста, который верит во все подряд и ни во что конкретно.

1. Крутоус, В. Новоязычество в контексте культурного кризиса XX – начала XXI века / В. Крутоус // Традиционная культура. – 2005. – № 2. – С. 90–98.
2. Кураев, А. В. Соблазн неоязычества / А. В. Кураев. – М.: Буква, 1995. – 127, [1] с.
3. Кырлежев, А. И. Постсекулярная эпоха: Заметки о религиозно-культурной ситуации / А. И. Кырлежев // Континент. – М.; Париж, 2004. – № 120. – С. 252–264.
4. Рыжов, Ю. В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве / Ю. В. Рыжов. – М.: Смысл, 2006. – 328 с.
5. Эко, У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / У. Эко. – М.: Эксмо, 2007. – 592 с.
6. Hanegraaff, W. J. New Age Spiritualities as Secular Religion: a Historian's Perspective / W. Hanegraaff // Social Compass. – 1999. – Vol. 46. – P. 145–160.
7. Hervieu-Leger, D. Individualism, the Validation of Faith, and the Social Nature of Religion in Modernity / D. Hervieu-Leger // The Blackwell Companion to Sociology of Religion / ed. R. K. Fenn. – Blackwell Publishing, 2001. – P. 161–175.
8. Kemp, D. New Age: A Guide: Alternative Spiritualities from Aquarian Conspiracy to Next Age / D. Kemp. – Edinburgh University Press, 2004. – 211 с.
9. Knoblauch, H. Spirituality and Popular Religion in Europe / H. Knoblauch // Social Compass. – 2008. – Vol. 55 (2). – P. 140–153.
10. Lambert, Y. Religion in Modernity as a New Axial Age: Secularization or New Religious Forms? / Y. Lambert // Sociology of Religion. – Autumn, 1999. – Vol. 60, № 3. – P. 303–333.
11. Luckmann, T. The Invisible Religion. The Problem of Religion in Modern Society / T. Luckmann. – N.Y.; London: The Macmillan Co., 1967. – 128 p.

O. Mashchitska

The language image of “Allteist” and the specificity of the contemporary religious ideology’s development

The article is devoted to a new type of religious ideology associated with implicit forms of manifestation. The article identified such principles of its functioning as a change from ideological division to unification, from division into friends and foes to the construction of holistic system, from monologism to polyphony, from sacralization to pseudoprofanism, from the totality of naming to the abundance of nameless, from the symbolism to antisymbolism. On the basis of these features the basic characteristics of the language image of believer – alltheist are explicated.

Дата паступлення артыкула ў рэдакцыю: 22.06.2015.